
Анна БАКАЛОВА

ГОРОД ЛЮДЕЙ

Рассказ

От жары плавился асфальт. Было душно, пахло пересушенной землей. Зато зелено, жужжали шмели и майские жуки. Пошли разговоры о закрытии банков. Закрывались торговые центры. Медицинский университет тоже обязали выехать. Недавно объявили собрание. Договорились, что все, кто хотят уехать, могут уезжать, но все материалы — препараты, стекла гистологии и прочее — останутся в стенах вуза.

Марина училась тут юной девушкой и носила легкие платья, которые жестоко мял плотный белый халат. Она начала тут работать в девяностых молодой женщиной на высоких каблуках. Она продолжала тут работать взрослым сотрудником в серьезных костюмах. Марина не хотела уезжать.

Весь июнь Донецк жил более-менее спокойно. Только очень одиноко и пустынно. Люди вмиг куда-то исчезли. Детей осталось совсем мало. Во дворах не слышались крики, не засиживались допоздна шумные компании, никто не жарил шашлыков, не купался в мутной городской реке.

Бомбили Краматорск. Марина была родом оттуда. Она уговорила друзей приехать, хотя бы ненадолго. Хотя бы на сколько-нибудь. Переждать. Пережить. Друзья согласились. И приехала школьная подруга Ира вместе с мужем и сыном. А у Марины дома — только муж. Дочку отправили в Крым вместе со стариками. Пусть там. Лучше там. Лучше где угодно, только не здесь.

Ира все порывалась домой. И было страшно туда возвращаться, под обстрелы, и страшно не вернуться. Марина удерживала подругу, как могла.

— Ну давай до твоего дня рождения. Отметим вместе. Как и хотели.

Ира нехотя кивала.

— Да, мой день рождения обязательно нужно отпраздновать вместе. А потом сразу домой.

— А там и мой почти сразу. — Надо было говорить быстро, пока подруга сомневалась, пока ее разморило принятое решение. Ей только надо дать повод остаться. Так думала Марина. Но Ира сказала:

— Посмотрим.

И Марина поняла, что они не останутся. Так наступил июль.

Анна Бакалова родилась в 1998 году в Донецке. Ассистент ФГБОУ ВО Донецкого государственного медицинского университета им. М. Горького МЗ РФ. Окончила Донецкий национальный медицинский университет им. М. Горького в 2021 году по специальности «Врач общей гигиены и врач эпидемиологии». Автор двух книг (в соавторстве): «Алешкины сказки» и «Ло». Рассказы публиковались в журнале «Наш современник», в сборниках «Декабрь-2» и «Некнига № 4. Лирика». Лауреат литературного фестиваля им. Л. И. Ошанина (2023). Участница литературного фестиваля «Братья по духу» (2023).

Друзья уехали, как и обещали, за пять дней до дня рождения Марины. Через день после выхода военных из Краматорска. В родном поселке Марины остались ее крестная Таня, дед Егор и танк. И может быть, танк и дед Егор смотрели бы друг на друга, как в сорок пятом, если бы один из них не был слепым. Тетя Таня наблюдала за всем этим из своего двора. Дед загородил собой дорогу танку и бил по нему клюкой, приговаривая:

— Кто там? Кто там сидит?

И тетя Тане боялась и за деда, и за себя.

— Да свои, дед, свои! — наконец-то выглянул из танка солдат.

— Кто свои? — подозрительно осведомился дед.

— А у тебя много своих? — огрызнулся солдат.

— Тоже верно, — согласился дед и все же пропустил танк.

* * *

Марина работала в больнице, крыша которой была покрыта смолой. И смола эта уже давно растаяла, и на последнем этаже невыносимо жарило. Плотная ткань халата прилипла к телу, и в нем становилось липко и тесно. Телу хотелось в шорты и есть мороженое по дороге к морю. Тело ждало конец учебного года, белый бант, последний звонок и долгое-долгое лето. Телу было за сорок пять. И вот уже тридцать лет Марине сложно давалась мысль, что каникул больше не будет и летом надо работать. Ей хотелось сбежать с работы, сползти вместе с расплавившейся крышей.

Больница стояла полупустой, в палатах лежали только тяжелобольные, которым больше некуда было пойти. Оставшиеся врачи в короткие перерывы забегали друг к другу в кабинеты выпить чего-нибудь холодного и рассказать новости.

Заведующий отделением кардиологии появился на пороге внезапно, как всегда, без стука. Коллеги называли его по-простому Вадиком и знали, что в маленьком кабинетном холодильнике всегда стоит холодная бутылка шампанского. Просто так, на всякий случай.

Вадик был растрепан жарой, пытался весело улыбаться, бодриться и быть просто «старым добрым Вадиком». Но в последнее время от «старого доброго» оставалось только «старое». Да и то не всегда.

Раньше Вадик ходил плавно, немного вальяжно. Сейчас же резко сел на стул, вздрогнув от грохота на улице.

— Сюда бы хоть один вентилятор, — быстро проговорил он.

— Нельзя, — бросила Марина из-за стола.

— Это раньше было нельзя. А сейчас-то, может, уже можно?

— Нет, сейчас тоже нельзя.

Разговор завис. Как и недоделанный документ в компьютере Марины. Он висел повешенным смертником уже несколько часов на одной и той же странице, и курсор в конце недописанного слова мигал раздражающе.

— А у меня шампанское есть, — внезапно сказал Вадик.

Марина растерялась.

— А мне еще в университет ехать.

— Ясно.

Курсор мигал не в такт тиканью часов. И эти звуки заполняли густой воздух, ложились пылью на голубую кушетку, на дерево стола, на белые халаты и давили вниз. Шевелиться было тяжело, думать и разговаривать тоже. Даже переводить взгляд. Мо-

жет, поэтому Марина все никак не могла оторваться от курсора. А Вадик смотрел в потолок, который никак не мог расплавиться и уехать вместе с крышей.

— Ну ладно! Я, собственно, чего зашел! — Вадик хлопнул себя по коленям и проговорил внезапно бодрым голосом. И от этого звука словно заглохли часы, повисшие звуки опали, скатились на пол, и Марина наконец-то смогла посмотреть на собеседника. Тот продолжал: — Видела, что наш бывший ректор написал?

— Видела, — хмуро ответила Марина.

— И как тебе?

А как могло быть? Бывшие коллеги, которые добрались до Украины, начали писать, что в городе осталось только быдло и как им было неприятно здесь работать. Горько, обидно. Особенно когда буквально пару месяцев назад вы вроде так хорошо общались. И вдруг оказывается, что человек делал это через силу.

— Никак, — ответила Марина.

Вадик еще немного посмотрел в окно и ушел в пять минут первого. В семнадцать минут раздался телефонный звонок. Звонил брат.

— Алло, Пашуль? — на душе стало как-то тревожно.

— Собирайся, я за тобой еду, — сказал он каким-то напряженным голосом.

— Да мне еще в университет надо...

— Я сказал: собирайся, — отчеканил Паша звенящим голосом. Марина тут же захлопнула ноутбук с все еще мигающим нервным курсором. А в машину села нервничая.

— Что хоть случилось?

— Обстреляли, — сухо ответил брат.

— О, Господи! Твой дом?

— Нет. К соседям прилетело.

— Все живы?

— Вроде.

— А твой дом что?

— Не знаю.

Дальше ехали в тишине. Только у самого дома Марины Паша спросил:

— Я у вас переночую. Ладно?

Паша был низким, полным и лысеющим. А еще он был в семейных трусах и с кастрюлей котлет.

— Я вот нажарил, — сказал он с порога, протягивая кастрюлю мужу Марины — Алексею Сергеевичу.

— Ты хоть вещи какие-то взял? — спросила Марина, протискиваясь в квартиру вслед за братом.

— Да... Хотя не знаю. Я спасал самое главное вроде бы.

— А что может быть важнее котлет, действительно, — засмеялся Алексей Сергеевич.

Железнодорожный вокзал обстреливали. Поселок рядом гремел день и ночь. Паша с Алексеем на следующий день поехали за вещами, дом стоял, а место, где обычно была машина, все усыпано осколками. Вроде бы что-то застряло в крыше сарая, но смотреть что не стали.

— Так, оставайся пока у нас, — строго сказала Марина, разогревая привезенные котлеты.

— Наверное, да. Останусь.

— Там оставаться невозможно, — согласился Алексей.

И Паша снова кивнул. За окном несколько раз грохнуло. Но вроде бы далеко. Да, точно далеко, окна не дрожали. А к нам или от нас?

— Котлеты вкусные, — бросила Марина в пустоту.

— Да, я петрушку добавил, — ответил Паша.

— Надо же.

— Да.

Снова что-то грохнуло. Вроде бы ближе.

— А твои что?

— В Пологах.

— И как там?

— Да так... ну, не стреляют. А остальное как обычно. Говорят, что так нам и надо и мы сами виноваты. И что на танках надо сюда зайти, всех пострелять, — скороговоркой проговорил Паша.

— Хоть признают, что стреляют по нам, — сказал Алексей.

— Да ты что, новости не читаешь? Это же у нас кондиционеры взрываются! — Это, конечно, был сарказм. Но он почему-то всех развеселил.

А за окном продолжали стрелять.

* * *

И все-таки хорошо, что лето. Летом все проще пережить, даже войну. А к осени жизнь наладится. И можно будет привезти уехавших детей и стариков. И дочка пойдет в школу, как обычно, и будет заканчивать последний класс. А потом поступление. «Куда, интересно? Ну наверное, в медицинский, она вроде хотела». А зимой войны не надо. Марина не хотела зимы.

Город был пуст. Его наполняли только зной и немного музыки. Она лилась из открытых окон, и редкие прохожие иногда останавливались послушать ее. А без нее совсем тоскливо, и казалось, что город уже победили. Но ничего. Война пройдет, пока будет играть музыка.

Марина ходила привычным маршрутом к остановке, на работу и обратно, и было удивительно, что даже небо такое же. Военное небо мало чем отличалось от мирного. Все такое же голубое с россыпью облаков. И лето здесь такое же: знойное и ароматное. Все та же легкая прохлада с утра и запах акаций и роз. В центре сильнее всего пахло цветами, и аккуратные клумбочки повсюду. Особенно у памятника Артема Марине нравился коврик из стелющихся розовых роз. На дачу бы такие посадить. А ее розы, наверное, погибли. Жалко, только посадила.

Каждое утро ее забирал один и тот же автобус. Последний оставшийся на этой линии. У «Донбасс Арены» они подбирали еще одного мужчину, который тоже спешил на работу. Имен друг друга они так никогда и не узнали. Водитель называл Марину просто «доктор». А она его мысленно «мой водитель». И казалось, пока есть этот водитель, который готов каждое утро везти ее, пока есть попутчик, который так же спешит на работу к восьми утра, все будет хорошо.

Этот же водитель забирал ее с работы. Но сегодня Марина задержалась и брела медленно. «Придется пешком идти», — думала как-то лениво и невзначай.

— Доктор! Доктор! — окликнул ее водитель автобуса и помахал рукой.

Марина ускорила шаг.

— Я думала, вы уже уехали.

— Куда же я без вас уеду. Кто вас тогда домой довезет?

Он выглядел как обычный водитель: пожилой, сухой, с седыми усами. Носил белесую кепку. Вот и все.

Где-то в городе они подбирали того самого мужчину и везли его обратно к «Арене».

— А вы только нас забираете или целый день по городу ездите? — спросил однажды мужчина.

— По графику, а как же, — оживленно ответил водитель.

— И кто-нибудь садится?

— Ну а вдруг, — как-то тяжело сказал он.

«Вдруг» иногда случалось. Однажды они наткнулись где-то в городе на женщину, удивительное дело, с ребенком — совсем маленьким. Он ел мороженое, весь в нем перепачкался и был счастлив, несмотря на жару и все остальное. Все здесь были несмотря. Мама несла тяжелые сумки, похоже, гуманитарку. Водитель остановился прямо посреди улицы.

— Заходи! — крикнул он ей, открывая дверь. Женщина остановилась и покачала головой.

— У меня денег нет.

— Я тебя что, про деньги спрашиваю? Заходи давай! — ответил водитель немного обиженно, как показалось Марине.

Странно и страшно смотреть, как умирает то, что еще недавно было полно жизни. Только в 2012 году весь город обновляли к Евро. «Донбасс Арена» каждую ночь горел синим. На ровно подстриженной лужайке, в лучших традициях европейцев, сидели болельщики и зеваки. «Господи, всего два года назад», — внезапно подумала Марина, глядя, как исчезают из поля зрения попутчик, «Арена» и парк «Виктория» возле стадиона. От выстрелов из «Арены» вылетело несколько стекол, и вместо них поставили панели из ДСП. Освещение больше не включали. А внутри, говорят, поселились зайцы. Они прибежали из лесов, в которых шли бои.

* * *

В полупустой больнице все иногда позволяли себе слоняться без дела. Марина в том числе.

Ранним утром она зашла в кабинет своей подруги Наташи. А Наташа была полной, жизнерадостной, вечно улыбающейся заведующей отделения. Человеком, у которого есть поучительная история на все случаи жизни. Сейчас, сидя в своем кабинете, она плакала. Марина никогда не видела ее в слезах. Ровно до этого момента.

— Наташа, что случилось? — тихо проговорила она с порога.

А та быстро попыталась утереть слезы, но нос и глаза уже были красными. Но это от недосыпа, честное слово. Какой же тут сон.

— Наташ, — с легким нажимом сказала Марина и прикрыла за собой дверь.

— Знаешь, а у меня сегодня день рождения, — после паузы ответила Наташа и улыбнулась. Но как-то горько, тяжело и почти сразу поджала губы. — Вот так вот.

— А семья что? — неуверенно спросила Марина.

— Разъехались. Дочку вывезла, не надо ей тут. Ну, ты-то понимаешь.

— Я-то понимаю, — сказала Марина, садясь на стул перед столом Наташи.

— Друзья тоже все повыезжали. — Это Марина тоже понимала. — Настроение, в общем, никакое.

— Ну ничего, глядишь, к осени все закончится. Я вот как раз шла тебя поздравить, — соврала Марина.

Она вышла из кабинета с тяжелым чувством. Сама не заметила, как спустилась на первый этаж в прохладное отделение кардиологии. В кабинете Вадика гудел холодильник.

— Знаешь что? — спросила Марина вместо приветствия.

— Что?

— У Наташи сегодня день рождения.

Вадику понадобилось всего несколько секунд на раздумья.

— Как раз для такого случая у меня в холодильнике есть бутылка шампанского.

Марина рассеянно кивнула, думая о чем-то своем.

— Я схвачу ординаторов и пойду в магазин. А ты собери пока остальных.

Знакомых искали по коридорам и кабинетам. Кому звонить, было непонятно: большинство уехало, кто остался, неизвестно, и даже если вчера видел человека, не факт, что сегодня он все еще на месте. Все, кто мог, скидывались деньгами. Но их оставалось мало. Зарплату не задерживали, ее не планировали больше платить.

Магазины были полупусты. Поставок больше не было, и на прилавки понемногу выкладывались старые запасы. Но в основном искусственные цветы, плющ и виноград.

— Помните девяностые? — спросила Марина.

— Я маленькой была, — сказала молодой ординатор.

— Тогда сейчас все почувствуешь.

Оттолкнув плечом Марину, у прилавка стал какой-то военный. Ее это возмутило, но она на всякий случай решила не лезть в спор. Военный как ни в чем не бывало начал что-то себе заказывать. Продавец, старый армянин, почти без акцента сухо сказал:

— Еще раз доктора оттолкнешь... — и дальше не продолжил.

Военный стушевался и отошел в сторону.

Под дверями Наташи собрались почти все, кто остался в больнице. Они переговаривались вполголоса, тихо посмеивались и чувствовали себя маленькими заговорщиками. Почти каждый держал в руках что-то, что нашлось в недрах кабинета. У кого палка сухой колбасы, у кого ломтики сыра. Кто-то даже нашел букетик цветов. Вадик торжественно держал бутылку шампанского.

Они всей толпой ввалились в кабинет Наташи, хором крикнули «поздравляю» и начали накрывать на стол. Наташа только привела себя в порядок, и тут на глазах снова начали выступать слезы.

Марина не помнила, когда они в последний раз так хорошо сидели. Так душевно, уютно и хорошо, как не было уже очень давно. Наверное, еще со времен студенчества, когда они молодые, бедные, голодные заваливались к кому-то домой и ели одну банку консервов на всех.

— Может быть, действительно так нам и надо? — проговорила Наташа.

Все удивленно посмотрели на нее. Еда уже была почти съедена, кто-то еще умудрился цедить шампанское.

— В каком смысле? — строго спросил Вадик. Ему эта мысль не понравилась.

— Понимаешь, мы со всей этой хорошей жизнью стали забывать о главном. Всех стала волновать какая-то ерунда: телефоны, одежда. Может, нам это нужно, чтобы мы снова стали людьми?

Вадик хмуро покачал головой. Он противился этой мысли, как мог.

— Наташ, не так сильно мы расчеловечились, и совсем не так нужно очеловечивать, — отчеканила Марина.

Эта мысль понравилась Вадику больше, и он воскликнул:

— Вот! Вот я всегда говорил, что Марина Петровна мудрый человек. И шампанское у нее еще есть.

— А слышали, что говорят о Пал Пальче? Он же недавно на Украину выезжал, — вклинилась в назревающий спор ординатор Настя.

О том, как выезжать на ту сторону, хотелось послушать всем. И о Пал Палыче, конечно, тоже. Он был уникальным человеком, который влипал в разные неприятности.

— Его на украинской стороне спросили: «Сколько блокпостов прошли?» А он возьми и ляпни: «Два ваших, два наших».

— И что с ним случилось? — напряженно спросила Наташа.

— Побили.

— Это понятно, а отпустили?

— Вроде бы да. Иначе бы откуда такие разговоры ходили.

Блокпостов начинали бояться. Не своих, но украинских. Но иначе было не выехать, только если в Россию. Город полнился историями, Марина слышала их в очередях, в магазинах, в больнице. Кого-то ставили на колени и заставляли петь гимн Украины, женщинам разрывали сумки на досмотрах, раздевали догола, вроде искали следы от ремней автомата.

На блокпостах пропадали люди. Их могли бросить в окопы, могли просто куда-то увезти, и с концами. Кого-то потом находили, кого-то нет. Одного знакомого врача, довольно известного в городе, еле удалось спасти. Его нашли со сломанными ребрами, руками и ногами.

Но все как один говорили: взсэушники еще ничего. Когда как, но, в общем-то, нормально. Главное, не попасться на батальоны. Это был самый страшный кошмар всего Донецка. Только бы не азовцы. Они пришли убивать сепаратистов, и они будут их убивать. От азовцев целыми еще никто не уходил.

* * *

А через несколько дней, в конце июля, больницу обстреляли. Ровно через два месяца, после начала войны.

Обстреляли вместе с растаявшей крышей, холодильником Вадика, в котором наверняка снова стояла бутылка шампанского. Вместе с Наташей, в кабинете которой еще не завяли цветы. Вместе с Мариной, которая как раз бежала из корпуса в корпус.

Сначала были грохот и взрывная волна. Ты всегда знаешь, что она прошла, всегда знаешь, что где-то разорвался снаряд, даже если это случилось где-то очень далеко, даже если не слышно ничего. Взрывная волна проходит сквозь тело, и сердце на секунду замирает. Пропускает удар, будто бы эта волна сбила его, и оно озадаченно пытается понять, что произошло, прежде чем пойти снова.

Но все уже знали, что взрывная волна — это не страшно. И громкие звуки тоже не страшно. Уже прилетело, уже не на тебя. Страшен свист — это значит, что летит, и летит в твою сторону.

Марина услышала такой свист. Первое желание — бежать. Бежать со всех ног. А куда? Кругом только открытое пространство. До корпуса далеко. Не успеет. Человек не бежит быстрее снаряда. Снаряд упал где-то рядом, и Марина тоже упала. В летнем легком платье и белоснежном халате шлепнулась прямо на землю, прикрывая голову руками. Марине нельзя умирать. Ее ждет дочка.

А над головой снова просвистело и почти тут же упало. От взрыва земля затряслась под Мариной. И снова замерло сердце. Марина напряглась. Не специально, скорее на каком-то инстинкте. Есть ли у человека инстинкт выживать во время войны? Марина ждала, когда посыплются осколки.

Кто-то схватил ее за руку и потянул.

— Доктор, вставайте! Побежали!

Марина, путаясь в ногах, поднялась. Ей ничего не оставалось, как двигаться, куда ее толкала чья-то рука. Она краем глаза рассмотрела мужчину в военной форме. Они бежали. Военный прижимал Марину к земле, задавал направление. И прикрывал собой. Он довел ее до ближайшего корпуса и снова побежал на улицу. Марина не успела его поблагодарить. Она даже не запомнила его лица.

Казалось, обстрел продолжался. А может, ей это только казалось. Уши заложило от взрыва. Она слышала стук собственного сердца и какой-то гул.

К счастью, она попала в свой корпус. На первом этаже в пролете между стен собрались все, кто был в больнице. Из пациентов остались только тяжелые. Все, кто мог сам себя обслуживать, уже давно разошлись по домам. Дома всегда кажется безопаснее. Остались только бабушки с платочками на головах и дедушки, которые, несмотря на обстрел, травили байки и говорили: «А вот в сорок третьем!» Их на носилках укладывали прямо на пол в коридоре.

— Марина Петровна, — окликнул ее кто-то.

Это была Наташа. Она улыбалась и казалась нарочито веселой.

— Мариночка Петровна, присоединяйтесь к нам.

И Марина прошла в проем между двух стен. Она остановилась и посмотрела на глубокую трещину, ломаным росчерком прошедшую от пола до потолка. Хотелось что-то сказать, но что именно — непонятно. И Марина таким же искусственным тоном произнесла:

— Коллеги, как здорово, что все мы здесь сегодня собрались.

Глупая, абсолютно неуместная фраза вызвала нервный смех.

— Блин, компьютер не выключила! — воскликнула Настя.

— И что?

— Ну, говорят, при обстреле нельзя держать электрику включенной. Не знаю почему. Что, может, пойти выключить? — неуверенно спросила она.

— Да за то не переживай, — отмахнулся Вадик. — Тут вон за стеной два баллона с кислородом стоят. Вот за это переживай.

* * *

Обстрел прекратился. Вроде бы. Кто мог ручаться? Но вроде уже не стреляли.

Марина поднималась по старой лестнице на свой этаж. Ей казалось удивительным, что лестница осталась такой же, как и всегда. Так же висят красные пожарные гидранты, полустерты номера этажей на стенах. Удивительно, что ничего не изменилось. Что все стоит, как и стояло, и выглядит так же, как до обстрела, до войны. И время по-прежнему тикает в круглых настенных часах.

Сердце сжалось. Марина остановилась на лестнице. Было больно и дышать стало тяжело. До пятого этажа не дойти. Марина была хорошим врачом и понимала: еще немного, и инфаркт. Она завалилась в ближайшее отделение. Вторая дверь направо.

— Андрюша, коньяк есть?

Андрей Севастьянович был высоким стройным мужчиной, который всегда ходил исключительно в деловых костюмах и с выглаженным, застегнутым на все пуговицы халатом.

— У-у-у, — только и сказал он, посмотрев на Марину.

Сейчас он стоял взъерошенный в расстегнутом халате и в руке держал бутылку водки. Ею он отпаивал трясушущую от рыданий коллегу. Где он сам был во время обстрела, одному Богу известно.

— Заходи, — сказал он Марине, а сам засуетился по кабинету. — Есть, есть. У меня все есть. Только стакана нет...

Марина присела на край кушетки. Ноги подгибались. Андрей сунул ей что-то в руки, и она с удивлением увидела мыльницу. Пластмассовую зеленую мыльницу, в которой было налито что-то прозрачное.

— Я ее вымыл, честно, — выпалил Андрей.

— Это водка? — спросила Марина.

Андрей кивнул.

— Я не пью водку, — как-то растерянно проговорила Марина.

— Пьешь, — строго сказала Андрей и подтолкнул руку Марины.

— Она же теплая.

— Пей, кому говорю!

Водка была теплой, обжигающей и с легким послевкусием апельсинового мыла. Андрей пробормотал что-то одобряющее и подлил водки обеим женщинам в кабинете.

В этот момент в кабинет зашел Вадик.

— А чего-нибудь крепкого не найдется? — спросил он.

— Заходи, — махнул рукой Андрей, сам делая большой глоток прямо из горла.

* * *

— Так, все. Мне надо в университет, — сказал Андрей Севастьянович.

Бутылка водки закончилась удивительно быстро. Плачущая сотрудница ушла несколько минут назад. В кабинете остались только Марина и Вадик.

— Я на машине, — сказал Вадим. — Давай подвезу.

— О, и меня подвези! — обрадовалась Марина, которая в обычный день ни за что бы не села в машину к выпившему человеку. Но сегодняшний день уже никак нельзя было назвать обычным, поэтому гори оно все!

И они втроем уселись в машину.

— А давайте посмотрим, куда прилетело, — сказал Вадим.

— Да, да. Обязательно нужно посмотреть, — согласилась Марина.

Зачем, никто точно сказать не мог, но было чувство, что посмотреть нужно.

Попало в соседний корпус. На кафедру стоматологии. Снаряд прошел здание почти насквозь. Он пробил все комнаты и застрял в стене лаборантской, где сидел последний оставшийся на кафедре человек.

Под главным входом напряженно курили сотрудники других этажей. И судя по количеству бычков, курили уже давно.

— Не хило. — Вадик вышел из машины и подошел к одному из них. Тот кивнул.

— Угу, — курильщик был хмурым и неразговорчивым. Он махнул рукой с сигаретой куда-то вверх.

— Этажом выше хирургия. До сих пор операция идет.

— И тогда шла?

— И тогда.

* * *

Крик из кабинета отдела кадров был слышен далеко по коридору. Марина шла с твердой уверенностью написать заявление на отпуск. В конце концов, ее ждет ребенок. Андрей шел рядом, бок о бок, с такой же твердой уверенностью. Но что он решил, Марина не знала. Только бы не увольняться.

В отделе кадров женщина не просто кричала, она почти билась в истерике. А может, и не почти. Это и была лаборант с кафедры стоматологии — последний оставшийся на кафедре человек. И она кричала: зачем ей все это надо? И зачем это все вообще кому-либо надо? Почему не закрывают университет? Почему она должна ходить на работу под обстрелами? Кто придумал это распоряжение «один человек на кафедре?»

Начальник отдела кадров не знал, что с ней делать. Он вместе с помощницей пытался ее успокоить, что-то сказать, но вклиниться в поток криков было тяжело. И начальник в конце концов смог только сказать:

— Я могу вам только посочувствовать, — и развел руками.

— Нам не нужно ваше сочувствие, — сказала Марина.

Она появилась на пороге, словно призрак, сложила руки в замок и смотрела осуждающе на всех.

— Ой... Марина Петровна! — только и смогла выдохнуть ошарашенная помощница. — Вы же тоже там работаете?

Даже лаборант перестала кричать.

— Да, — кивнула Марина. — И я, собственно, пришла написать заявление.

— Только не увольняйтесь, — простонала помощница.

— Пока в отпуск.

И это «пока» повисло в воздухе.

* * *

Марина ехала домой в чужой душевной маршрутке. Такой же полупустой, как и та, на которой она ездила на работу.

В городе шла жизнь. Уставшая, заторможенная, притихшая, но жизнь. После обстрела Марина это особенно хорошо видела, что жизнь все-таки течет своим чередом. Всего несколько часов назад была война — самая настоящая, такой, какой ее все себе представляют. Со свистом и взрывающимися снарядами. И вот снова вроде ничего. Удивительно, что войну и обычную жизнь разделяют всего пару часов.

Марина покачивалась в автобусе, рассматривая улицы через окно. В клумбах вдоль бульвара работники в ярких жилетах сажали цветы. Город не обстреливали, его расстреливали. Все здесь враз стали нелюбимыми, почти что злодеями, которых готовы были проклинать. А люди продолжали сажать цветы.

И Марина расплакалась.

* * *

Больницу обстреляли еще раз через пару дней и третий раз через четыре дня после этого. А на следующий день медицинский университет со всеми кафедрами перестал работать. Пора закрываться.

Было пятнадцатое августа. Марина ехала последний раз на работу. Думала, что зря взяла отпуск, раз университет и так закрыли. Но уже ладно. Все тот же автобус, тот же водитель и неизвестный знакомый попутчик. Все молчали. Было какой-то гнетущее чувство, которое смешивалось с утренней жарой.

— А я завтра уезжаю, — сказала Марина. Она должна была сказать им. Не могла просто взять и в одной утро не появиться на остановке.

Попутчик сказал.

— Я тоже. Последний день дорабатываю.

И снова тишина. Долгая пауза длиной в три пустых, никому не нужных остановки.

— Так что? Может, и мне завтра не выходить? — пробормотал водитель наконец-то.

Ему не ответили. Промелькнуло неловкое чувство, которое Марина постаралась отогнать. Она махнула головой в такт движению автобуса. Но чувство никуда не делось. Она бросала этого водителя, который каждый день выходил на работу ради нее. Ради двух людей, которые ехали на работу. И они оставляли его один на один с пустым городом.

* * *

Подруга уезжала. И Марине почему-то казалось, что навсегда. Она забежала перед отъездом. В последний раз была на даче и в квартиру к Марине зашла с коробкой из-под обуви. Клубника.

— На, последний урожай. Мне не надо, а вы поедите!

— Мы тоже уезжаем, — сказала Марина.

— Да? Ну и правильно, Мариш, правильно.

— Но мы не навсегда, — почему-то хотелось добавить Марине. Это обязательно нужно было сказать.

— Ну да. Да. Мы тоже. Наверное.

А клубника пахла летом, Мариной в семь лет, пыльным старым диваном в саду, старыми рыжими креманками, в которых бабушка всегда давала только что собранные ягоды.

Люди все спрашивали: как тут можно жить? На клубнике. На ней, жужжащих майских жуках, зное лета, пустых разговорах, которые в сонной дремоте кочуют по заброшенным кабинетам.

Здесь жизнь не другая. Она все такая же. Просто со своими оттенками.